

Философские проблемы в истории науки

УДК: 101

DOI: 0.15372/PS20250207

EDN: FXCRDK

С.А. Смирнов**ПОВОРОТЫ В ИСТОРИИ ФИЛОСОФИИ XX ВЕКА:
СМЫСЛЫ И РАМКИ****Часть 1**

В статье ставится проблема, связанная с непроясненным содержанием такого метафорического понятия, как поворот в философии. Автор предлагает рассмотреть понятие поворота с разных точек зрения и на разном материале. Предлагается выделить в этом понятии разные типы поворотов, такие, как смена картины мира, смена онтологической установки, смена методов или способов мышления (методологический поворот), смена научной темы или повестки. Различные варианты понимания поворота в философии иллюстрируются на разном конкретном историко-философском материале различных поворотов: лингвистического, прагматического, антропологического.

Показано, что в большинстве своем носители тех или иных поворотов в XX в. предлагали фактически смену повестки и доказывали связанную с этим необходимость поиска новых средств и методов исследования. При этом в основании данных исследований сохранялись старые онтологии и установки. Смена повестки происходила в течение всего века достаточно часто, и список поворотов постоянно растет. Вместе с тем не каждый вновь объявленный поворот может называться собственно поворотом, поскольку не предполагает ни смены онтологии, ни методологического сдвига, ни смены картины мира.

Ключевые слова: поворот в истории философии; лингвистический поворот; прагматический поворот; антропологический поворот; смена онтологической установки; смена картины мира; методологический сдвиг

S.A. Smirnov

URNS IN THE HISTORY OF PHILOSOPHY IN THE 20th CENTURY: MEANINGS AND FRAMEWORKS

Part 1

The article raises a problem related to the unclear content of such a metaphorical concept as a turn in philosophy. The author suggests considering the concept of a turn from different angles and using different materials. It is proposed to highlight different aspects of a turn in this concept – such as a change in the picture of the world, a change in the ontological attitude, a change in methods or ways of thinking (methodological turn), a change in a scientific topic or agenda. Alternatives of understanding a turn in philosophy are illustrated by different specific historical and philosophical material of various turns, particularly linguistic, pragmatic, and anthropological turns.

It is shown that most of the bearers of those other turns in the 20th century actually proposed a change in the agenda and argued for the related need to search for new means and methods of research. At the same time, old ontologies and attitudes remained at the basis of these studies. The change of agenda occurred quite often throughout the century, and the list of turns is constantly growing. However, not every newly announced turn can be really called a turn, since it does not imply either a change in ontology, or a methodological shift, or a change in the picture of the world.

Keywords: turn in the history of philosophy; linguistic turn; pragmatic turn; anthropological turn; change in ontological attitude; change in the picture of the world; methodological shift

В философскую литературу для обозначения каких-то качественных изменений и сдвигов уже давно вошло слово «поворот» в сочетании с разными другими словами. Говорят о повороте в сознании, повороте в мышлении, культурном повороте, историческом, парадигмальном, онтологическом, лингвистическом, коммуникативном, ант-

ропологическом, биографическом, риторическом, прагматическом и др. [1; 3; 5; 7–9; 13; 15–20; 22; 23; 28–36]¹.

Разные авторы вкладывают в эти словосочетания разное содержание, употребляя их применительно к разным ситуациям. Имеет смысл рассмотреть этот феномен более пристально и предметно, сугубо методологически, не вдаваясь в детали конкретных поворотов, выделяя сам феномен. Очевидно при этом, что мы будем иметь дело с разными типами поворотов и с разными основаниями и смыслами, вкладываемыми в эту пока что научную метафору.

В качестве подступа к проблеме приведем различные существующие в литературе примеры таких поворотов, акцентируя внимание не на их содержании, а на их типе: не на том, какой поворот по содержанию, а на том, что означал сам этот поворот.

Поворот как смена картины мира

Когда на основании математических вычислений и наблюдений за звездным небом с помощью научного инструмента, телескопа, Г. Галилей предоставил гелиоцентрическую модель мироздания, отличную от геоцентрической, которая была принята церковью, он фактически совершил поворот, предложив иную картину мира. Мир, конечно, не изменился. Но изменилась его картина. Человек по-другому стал смотреть на свой мир, в котором он обитал. Поворот, совершенный Г. Галилеем, И. Коперником, Дж. Бруно, означал поворот сознания, смену оптики при взгляде на мир, в результате чего была изменена последующая онтология мира. Но Галилей столкнулся

¹ Включая и экзотические, о которых пишет Д. Бахманн-Медик, выделяющая семь парадигмальных смен исследовательского фокуса, или «культурных поворотов»: интерпретативный, перформативный, рефлексивный, постколониальный, переводческий, пространственный и пикториальный/иконический [1]. В.В. Савчук добавляет к тем, что уже названы, теологический, медиальный, пространственный и иконический повороты [22]. Р. Рорти выделял три ключевых, с его точки зрения, поворота: лингвистический, интерпретативный и риторический. Они выступили триггерами для развития отдельных интеллектуальных движений [34, p. vii]. Некоторые исследователи полагают, что лингвистический поворот можно рассматривать как рамочный, мегаповорот, «как революционный сдвиг парадигмы, поскольку именно он послужил основой теоретической переориентации не только всей философии, но и многих гуманитарных дисциплин» [1].

с тем, что его оппоненты не имели такого умо-зрения, какое было у него. Он мог доказать своими вычислениями свою точку зрения и предлагал посмотреть в телескоп, который сам же изобрел. Он изобрел новый глаз, сконструированный исходя из вычислений и наблюдений, и тем самым по-иному стал видеть мир, который оставался прежним. Глазами Галилея стали его вычисления и телескоп – новый научный прибор.

Но проблема состояла не столько в полученных научных знаниях, сколько в позиции оппонентов. Церковь все равно не принимала новой модели, поскольку не обладала таким видением, какое было у Галилея. У нее не было третьего глаза. Поэтому она Галилея отдала под суд, а Бруно сожгла на костре.

Но в любом случае речь шла о повороте, легшем в основание всех остальных естественно-научных знаний. Произошел переход к иной модели мира, к новой картине мира. Такой поворот носит характер рамочного. Он основан не на отдельно взятой позиции отдельного ученого или группы ученых. Он связан со сменой всеобщей, рамочной картины мира, которую принимают одни, но отвергают другие.

Таких смен картин мира было не столь много. Таким же был поворот в виде смены картины мира при переходе от классической механики к квантовой физике в начале XX в., совершенный в трудах А. Эйнштейна и др.

Данный тип поворота носит характер исторического поворота. Он когда-то свершился и стал историческим и неповторимым событием. После его свершения мир становится принципиально другим. Поэтому этот тип поворота выступает как рамочный, определяющий все последующие другие события.

Поворот как смена онтологической установки

Приведенный выше пример связан с важным моментом в философии – со сменой онтологической установки. Но не всякая смена онтологической установки приводит к смене картины мира. Смена установки связана с актом самоопределения философа. Так или иначе, каждый философ принимает ту или иную установку, согласно которой вводится представление о том, какова природа того мира, который выступает для него действительным. Точнее, онтологическая

установка отвечает на вопрос, каков мир, какова природа мира, в котором живет мышление философа.

Онтологическая установка задает рамочное условие существования той реальности, относительно которой ставится предельная рамка, будь то рамка природы, или мышления, или человека, или Бога. Онтологическая установка полагает мир, показывает его.

Это рамочное полагание основано больше на ценностных, смысловых, т.е. донаучных, допущениях и не столько логически доказывается, сколько показывается самим автором, носителем этого полагания.

Такая установка полагает мир и далее предполагает свое дальнейшее развертывание уже в виде логических принципов, процедур, методов и построения научных предметов. Сначала кладется онтологическая картина (мир таков!), а затем уже на ее основе, в ее рамке строится научный предмет исследования (подробнее см. [25]).

Например, согласно одной установке мир есть творение Божие, и в этом случае важна религиозная установка, из которой выводятся все остальные следствия. Либо мир для философа есть естественные процессы, которые необходимо изучать. Тем самым однажды была введена естественно-научная установка. Либо для философа мир есть мир мышления и действия, и тем самым вводятся деятельностная установка и деятельностный подход, включенный в повестку в XX в. Либо мир есть мир опыта сознания и его феноменов, и надо исследовать эти феномены и строить феноменологию как строгую науку. Тогда на арену выходит феноменология в ее разных изводах.

Эти установки в ходе истории однажды появлялись и оставались соседствующими, конкурируя друг с другом. Носители естественно-научной (в пределе – натуралистической) парадигмы и деятельностной парадигмы, строго говоря, никак не смогут договориться, но они живут рядом, не замещая друг друга.

В настоящее время эти подходы переплетаются и образуют разные кентавр-системы и гибридные формы знаний. Но для чистоты подхода необходимо понимать и представлять их как разные, поскольку за ними стоят разные действительности: действительность так называемых объективных процессов, или действительность феноменов сознания, или действительность деятельностей, или действительность языковых структур.

Хотя, разумеется, эти установки перекрещиваются и образуют смежные (пограничные) зоны исследований. Например, психология может строиться и как естественно-научная дисциплина, и как деятельностьная, и как феноменологическая, и как наука о поведении (бихевиоризм). В каждом из подходов природа психики будет пониматься по-разному.

Поворот как смена научной парадигмы

С легкой руки Т. Куна в науку было введено понятие научной парадигмы, а под последней имелись в виду принятые в определенном научном сообществе, носители научной парадигмы, мировоззренческие установки, неписанные правила, процедуры, методы исследования, допущения, включая и этос науки. Разные парадигмы могут существовать в одной науке. Например, спор Н. Бора и А. Эйнштейна о структуре атомного ядра возник из-за разных парадигмальных установок двух физиков, хотя оба были представителями одного поворота в науке. Бор предложил вероятностную модель атомного ядра, против чего возражал Эйнштейн, ответивший на предложение Бора фразой: «Бог не играет в кости».

Тем самым причиной смены парадигм выступают парадигмальные установки, базовые допущения, лежащие в основаниях научных парадигм, а точнее, ненаучные основания, рамочные допущения, принимаемые научными сообществами. Поворот в таком случае означает смену действующих лиц на научной сцене: одно научное сообщество сменяет другое научное сообщество. И между ними идет конкуренция не столько за истинность, сколько за эффективность и доказательность.

Парадигмальным поворотом можно считать и так называемый прагматический поворот, совершенный в философии Ч.С. Пирсом, Д. Дьюи, У. Джеймсом [10; 21; 30–36].

Прагматический поворот, по мнению Р. Бернштейна, реконструировавшего смыслы этого поворота, предполагал определенный «сдвиг ориентации», поворот к практическим ориентирам, преодолевающий спекулятивные и догматические основания классической философии [31, р. 177]. Сдвиг ориентации означал отказ от допущения, согласно которому должны быть некие единые постоянные

основания в философии, в процессе познания, в пользу новой парадигмы, когда исследования строятся как непрерывный «самокорректирующий процесс», как переосмысление фундаментальных проблем философии [Ibid., p. 175].

Подобный сдвиг предполагал в таком случае иное понимание места человека в мире, включая и его тип субъектности в процессе познания. Человек – не зритель в театре, а участник процесса познания, активный «агент», он выходит на первый план, а стало быть, человеческая активность становится ключом к пониманию всех аспектов человеческой жизни, в том числе исследований и знаний.

В таком случае меняется представление о типе рациональности. Последняя понимается как самоконтролируемое поведение человека относительно своих действий [31, p. 189, 198].

В пределе для зачинателя этого поворота Ч. Пирса важным было переосмысление именно места человека в мире – как не просто познающего мир, но выстраивающего этот процесс, исходя из представлений об идеале, о предельной рамке контроля над своей деятельностью.

В данном повороте отчасти угадывается попытка возрождения кантовской связки: логика – этика – эстетика. Ч. Пирс выстраивал «иерархию нормативных наук» в духе кантовской логики движения от первой «Критики» к третьей. Чтобы выстраивать логический акт познания, человеку необходимо вырабатывать нормы и правила познания. Но эти правила выводятся не из логики, а из этики, поскольку контроль исследования предполагает соотнесение моего опыта с опытом другого, с опытом сообщества. Называть аргумент нелогичным или ложным – это вид морального суждения [31, p. 190]. Этот вывод связан с полаганием оценки как результата с точки зрения достижения цели, а она положена не в самом логическом суждении, а в этической сфере.

Сама же этика выводима уже из эстетики, поскольку этические нормы связаны с представлением о совершенном идеале, которым человек восхищается. Идеал, добавим от себя, – не эпистемологическая категория. Он, в отличие от кантовских конструкций познания, не конструируется. Он кладется как предельная рамка, принимается как недостижимый образец.

Таким образом, стремление к постоянному самоконтролю над своим познанием привело Ч. Пирса к идее Бога, идее о совершенном идеале. Точнее, идеал кладется в самом начале, и далее самоконтроль осуществляется на фоне этой предельной рамки².

В этой логике, но уже в новой исторической ситуации, на новом материале Ч. Пирс фактически повторил ход И. Канта (от логики через этику к эстетике). Тем самым он совершил мысленно новое другое начало, повторил ход еще античных философов, увязывавших физику, этику и поэтику.

Поворот как смена способа мышления (методологический поворот)

Поворот может быть описан и как методологический сдвиг, смена способа мышления. Строго говоря, названные выше повороты, предполагающие смену онтологической установки, или смену картины мира, несут в себе и последствия. Если меняется установка, скажем натуралистическая установка меняется на феноменологическую или деятельностную, то должны меняться также способ мышления и действия философа, мыслящего себя в рамках этой смены.

Например, так понимал сдвиг и Э. Гуссерль, совершающий феноменологический сдвиг, предлагающий тем самым и метод (феноменологическая редукция), и, как следствие, иной инструментарий³. Для Гуссерля была важна рефлексирующая настройка философа, настройка его ума, не столько сам мир, сколько оптика для взгляда на этот

² Р. Бернштейн добавляет, что такой своеобразный «американский трансцендентализм» вообще-то означает, что идеал связан не с индивидуальным контролем, а с представлением о высшем благе, а посему этот контроль выносит приговор моей «собственной ничтожности», говоря словами Ч. Пирса.

³ Правда, обсуждая феноменологический сдвиг, его ученик-оппонент М. Хайдеггер отнесся к этой оценке новизны скептически, указав, что, собственно, этот сдвиг есть необходимая часть любого акта философствования и что так делали и древние греки. Он понял призыв Э. Гуссерля «к самим вещам!» предметно: человек должен перестать говорить на придуманном им самим языке, а должен открыться миру так, чтобы мир с ним заговорил на языке самих вещей. Необходимо научиться «извлекать понятия из самих вещей, философствовать изнутри самих вещей» [27, с. 129]. Но именно этого, полагал Хайдеггер, Гуссерль и не сделал, предложив феноменологию как «улучшенную психологию».

мир, нуждающаяся в радикальной перенастройке, перефокусировке. Для него важнее была саморефлексия философа, а не то, насколько верно и объективно постигается мир⁴. В этом плане его волновала больше дисциплина ума, интеллектуальная аскеза философа, а не построение объективной картины мира.

Примером такого типа поворота может считаться так называемый «коперниканский» поворот, совершенный в философии И. Кантом, как сам философ назвал то, что он сделал, в своей первой «Критике». Название условное, но оно означает не столько смену картины мира или смену установки в отношении познания мира, сколько прежде всего смену способа мышления посредством введения метода, согласно которому мир природы познается не сам по себе, а через концепты и конструкты, которые строит сам философ. Философ познает не природу, а эти конструкты.

Математическое естествознание по Канту имеет дело не с эмпирическими натуральными природными объектами, а с идеальными объектами-конструктами, построенными понятийно с помощью математических средств. Любой объект познания становится объектом сконструированным, пропущенным через мышление, осуществляющее акт трансцендирования, предполагающего выход на метафизическую позицию: «...Разум видит только то, что сам создает по собственному плану, что он с принципами своих суждений должен идти впереди, согласно постоянным законам заставлять природу отвечать на его вопросы, а не тащиться у нее словно на поводу...» [11, с. 85].

Итак, все объекты суть конструкты. Конструкт нуждается в способе своего создания. Для этого И. Кант вводит понятие *трансцендентальной схемы* [11, с. 221–223]. Последняя есть *способ конструирования* объекта. Она и позволяет выйти за пределы натурального материала объекта. Этой схеме соответствует понятие объекта. Например, понятие круга соответствует способу построения круга, т.е. его схеме.

⁴ Э. Гуссерлю важнее были соответствующие строгие правила для построения медитаций, правила для руководства ума в духе Р. Декарта. Здесь он, предлагая свою интеллектуальную аскезу для философа, скорее был ближе к религиозной аскетике, чем к современным философам. С этой точки зрения то, что предлагал Гуссерль, скорее было похоже на антропологический поворот, касающийся человека, нежели на поворот к миру (подробнее см. [24]).

Но всякое конструирование должно соответствовать правилам и требованиям. Рамочным требованием конструирования выступает чистое созерцание. Последнее есть созерцание именно *формы* объекта, а не его материала, т.е. выделение *метода*, которым строится объект. Фактически объект не видится, не созерцается, а создается с помощью *продуктивного воображения*.

Тем самым И. Кант фактически сделал шаг в сторону деятельностной онтологии, которая стала развиваться много позже, в XX в. Он сделал шаг от онтологии вещи в сторону онтологии действия.

Потому чистые, синтетические суждения а priori существуют вне опыта, поскольку под опытом подразумевался эмпирический опыт вещи. И. Кант же имел дело с методом, способом построения действия, создания конструкта. Этот метод существует в мышлении субъекта действия, вне эмпирического опыта. Синтетические суждения а priori синтезируют все способы построения объекта, поэтому имеют дело с принципиальным методом его построения как идеального объекта.

Введя трансцендентальный метод, переносящий философа за пределы эмпирической реальности, И. Кант ввел принципиально иной способ не только познания, но и философского действия, увязав далее и акт познания с моральными максимами. Впрочем, по последствиям его «коперниканский поворот» вполне можно называть и историческим, и парадигмальным (см. также [5]⁵).

Так же выглядел поворот и в случае введения, например, деятельностного и далее инженерного подходов, преодолевающих собой натуралистическую парадигму. Соответственно такому введению объектный способ познания мира должен быть заменен конструированием и проектированием миров, т.е. инженерной деятельностью, а все науки, в том числе и гуманитарные, должны выстраиваться проектным образом и становиться частями больших мегапроектов. Но последнее оказалось возможным при совершении в большей степени рамочного сдвига, при изменении самой науки как институции, которая сама пережила уже произошедший сдвиг: от наук – к биотехнонаукам, от науки как исследования – к науке как инженерной

⁵ Автор благодарен М.Н. Вольф за любезно предоставленную рукопись ее работы «Кант и исторический поворот» [5].

практике⁶. Строго говоря, методологический сдвиг выступает в связке со сменой онтологической установки и сменой картины мира и предполагает смену научной парадигмы. Вышеназванные повороты выступают условиями для методологического сдвига.

Примером методологического поворота-сдвига может быть, введение структурного метода (подхода) усилиями Московско-Тартуской школы в нашей стране и представителей структурализма во Франции (К. Леви-Стросс, Ю. Кристева, А. Греймас и др.)⁷. Эти исследователи самый различный материал рассматривали с точки зрения действия инвариантных структур поведения и языка, структур сознания, структур родства и обмена в архаичных обществах. Тем самым уже, казалось бы, привычный социальный и языковой материал начинал выглядеть по-иному. Вводился именно структурный метод, не претендующий на смену картины мира или онтологии. Но смена метода повлекла за собой смену всех объяснительных моделей.

Так, изучение русской сказки В.Я. Проппом или исследование повседневной жизни русских дворян Ю.М. Лотманом, или изучение Ю.М. Лотманом и В.Н. Топоровым истории и поэтики русской литературы с выходом на построение семиотики культуры, рассмотрение всего многообразия культурного наследия, духовных традиций в категориях знаковых систем и структур выводили исследователей в иную область, представленную как знаково-символическая реальность со своими кодами и шифрами, реальность текста. Объектами такой реальности выступали литературные тексты, городская повседневность, структуры поведения, социальные общности, древние архаичные сообщества, традиции, ритуалы, одежда и проч. Переосмысленная через знак и символ, сфера культуры становилась семиосферой [14].

⁶ Собственно, это и имел в виду методолог Г.П. Щедровицкий, предсказавший задолго до того переход, означающий то, что на смену науке приходит междисциплинарная методология – как практика конструирования основ мышления и действия [29].

⁷ Хотя задолго до них структурно-формальный подход предложили уже представители ОПОЯЗа и известный исследователь русской сказки В.Я. Пропп. Это означает, что структурный метод был введен не в 60-е годы прошлого века, а в 20-е.

Поворот как смена научной повестки (темы)

Поворотом может быть назван и такой феномен, как смена доминирующей ранее темы, смена повестки, выход в ней на первое место наиболее актуальной, злободневной проблематики. Например, когда представители Венского кружка предложили отказаться от метафизических проблем, считая их ложными, и перейти к логическому позитивизму. Строго говоря, данный переход не обязательно был связан с поворотным, парадигмальным сдвигом или со сменой онтологической установки. Представители классической философской традиции и Венского кружка одинаково могли быть проводниками эссенциализма и придерживаться естественно-научной установки. В рамках данного поворота просто предлагалась иная повестка и, соответственно, предполагалась смена инструментария философского исследования.

Но смена метода и инструментов исследования не обязательно влечет за собой смену онтологической установки и картины мира. Можно при старой установке и в пределах той же онтологии обсуждать разные инструменты и спорить о разных методах исследования. Последние суть скорее техническая сторона дела и не могут считаться поворотными.

Хотя многие исследователи продолжают обсуждать такие феномены, как лингвистический поворот⁸, риторический поворот, коммуникативный поворот. Данные примеры говорят о смене объекта и инструментария исследования этого объекта, но при сохранении парадигмы и картины мира. В большинстве своем сторонники логического и лингвистического анализа, или прагматисты, – неисправимые бихевиористы и натуралисты. Их парадигмальные основания коренятся в старых моделях классической эпохи XIX в.

Скажем, Р. Рорти, ратующий за прагматический поворот, в своих парадигмальных основаниях – натуралист и бихевиорист. Человек

⁸ Заметим, что в 20-е годы прошлого столетия он так не назывался. М. Шлик писал о «повороте в философии» [28], Л. Витгенштейн его вообще никак не называл. Название появилось много лет спустя. Это говорит о главном: то, что происходило в 20-е годы, осознавалось не как языковой или лингвистический поворот. Название, данное повороту Р. Рорти в 1967 г., сужает смысл произошедшего.

для него сравним с компьютерной программой, поведение его можно запрограммировать. Выступая за разнообразие версий истории философии, призывая к отказу от философского канона, предлагая релятивистский подход и выступая против философских догм, он остается тем не менее приверженцем вполне определенного понимания природы познания и человека, хотя и выступает вслед за Т. Куном за смену научных парадигм и против старых противопоставлений объективного и субъективного, «вещей самих по себе» и «вещей для нас».

Р. Рорти пишет: «Согласно той точке зрения, которую я излагаю, тело человека подобно компьютеру, его hardware, а верования и желания аналогичны программному обеспечению компьютера, его software. Никого не волнует вопрос о том, верно или нет данное software отражает реальность. Важно то, способно ли данное software наиболее эффективно выполнять определенную задачу... Спор между нами и нашими предками должен идти не о том, кто из нас правильной понял Вселенную. Спор о том, ради чего принимаются те или иные взгляды на движение небесных тел, о том, какие цели достигаются при использовании тех или иных инструментов» [21, с. 27–28].

Важно, конечно, учитывать, что Р. Рорти вообще не волнует, отражают ли его представления о мире этот мир или нет, правильны ли они или нет, объективны ли или нет. Его волнует то, насколько эффективно его знания могут помогать решать те или иные жизненные проблемы людей.

Но это как раз и означает смену именно научно-философской повестки при отказе обсуждать онтологические установки, картины мира, основания тех или иных верований и проч. Они могут быть разные, отличаться радикально друг от друга⁹. Но сейчас, полагает Р. Рорти, актуальна иная повестка: социокультурная ситуация требует того, чтобы думать о сохранении мира, о счастье людей, а не спорить о разных картинах мира или концепциях его познания. Поэтому важно понимать, как использовать знания в качестве инстру-

⁹ Ирония истории заключается в том, что оценки поворота у прагматистов Ч. Пирса и Д. Дьюи и неопрагматиста Р. Рорти различаются. Пирс и Дьюи, совершившие свой прагматический поворот вполне осознанно в начале XX в., понимали его не просто как смену повестки, а как парадигмальный, онтологический сдвиг в духе совершения нового начала.

ментов действия для того, чтобы развивать технический и политический прогресс¹⁰.

Занимая позиции неопрагматистского релятивизма, Р. Рорти предлагал отказаться от фундаменталистского, доктринального подхода к истории философии и науки в пользу сугубо прагматического (в пределе – утилитарного, вслед за Д. Дьюи) подхода, в основании которого лежат интересы людей. Думать и спорить надо не об объективности или субъективности наших знаний, не о платонизме или антиплатонизме, а о том, какая польза от этих философских знаний. Думать надо о пользе и счастье разных людей, отстаивающих свои различные интересы, надо стремиться их согласовывать и вырабатывать согласованное и ответственное видение ситуации в мире. С этим связано представление Рорти о солидарной ответственности представителей разных научных и философских школ. Сообщества должны не спорить о том, кто прав, а согласовывать свои взгляды, исходя из прагматического интереса и пользы. В таком случае может быть много разных версий историй философии и науки, не одна и не две. На повестке дня другой вопрос – выживание людей, поэтому надо стремиться использовать свои знания как инструменты, улучшающие жизнь людей, а не спорить о доктринальных канонах в философии. В этом смысле мы все, последователи Платона или его противники, солидарно ответственны за счастье людей.

Таков пафос Р. Рорти. Но мы видим, что такая позиция как раз означает смену повестки, но не предполагает никаких парадигмальных сдвигов и поворотов. Хотя постоянно звучали высказывания о прагматическом парадигмальном повороте. Последний термин используется фактически как метафора, означающая смену, перемену взгляда, но не смену позиции или онтологии.

Внешне картина выглядит примерно так: в большинстве своем носители поворотов в XX в. предлагали смену повестки и связанный с этим поиск новых средств и методов при сохранении старых онтологий и установок. Смена повестки происходила в течение всего века

¹⁰ В этом пункте Р. Рорти выступает как последователь инструментализма Д. Дьюи. Поэтому можно считать, что поворот уже произошел в работах Пирса и Дьюи, а Рорти движется уже по накатанной колее, рефлекслируя о том, что произошло.

и так часто, что список поворотов растет. С этого мы начали разговор в нашей статье. Один только Л. Витгенштейн менял повестку дважды.

Сначала с легкой руки Витгенштейна и его верных последователей – членов Венского кружка было обращено внимание на структуры языка. Был устремлен взгляд не к миру, не к мирозданию, а к его «строительным лесам». Привычные философские проблемы суть проблемы, не имеющие смысла. Точнее, им было отказано в существовании. Просто мы плохо и неправильно говорим, поэтому надо исправлять ошибки в нашем языке. Занятие философией в таком случае становится деятельностью по разъяснению темных мест и выявлению ловушек в языке, но никак не познанием истины мира. Более того, сама форма мысли, выраженная в языке, сходна с формой мира. Поэтому и философия обнаруживает эту «форму нашей мысли, но не истинность или ложность ее содержания» [26, с. 164].

В «Логико-философском трактате» Л. Витгенштейн пишет: «Цель философии – логическое прояснение мыслей. Философия – не учение, а деятельность. Философская работа, по существу, состоит из разъяснений. Результат философии – не “философские предложения”, а достигнутая ясность предложений. Мысли, обычно как бы туманные и расплывчатые, философия призвана делать ясными и отчетливыми» [4, 4.112]. По этой логике метафизики, к которой привыкли классические философы, не существует. Возвышенный объект мысли исчезает, его как бы и нет, а есть то, что мы говорим и думаем [26, с. 166]. Философские доктрины и концепции, утверждает Витгенштейн, говорили о том, о чем невозможно было говорить. А если невозможно было говорить, то об этом следовало бы молчать. Собственно, с этого и начинается его «Трактат».

Тем самым Л. Витгенштейн просто меняет предмет философии. В этом и заключался поворот – в обращении внимания на то, что философия всегда занималась не своим предметом. Философские предложения не ложны и не истинны, они просто бессмысленны. Поэтому на них невозможно дать ответ. «Большинство предложений и вопросов, трактуемых как философские, не ложны, а бессмысленны. Вот почему на вопросы такого рода вообще невозможно давать ответы, можно лишь устанавливать их бессмысленность. Большинство предложений и вопросов коренится в нашем непонимании логики языка» [4, 4.003].

Поворот в таком случае означает сдвиг от познания так называемого объективного мира в сторону мира языка, выступающего самостоятельной реальностью, определяющей внеязыковой мир. Поскольку мы не можем ничего сказать о том, что находится за пределами нашей мысли, то мы должны заниматься только границами языка. С этого и начинается «Трактат»: «...Замысел книги – провести границу мышления, или, скорее, не мышления, а выражения мысли: ведь для проведения границы мышления мы должны были бы обладать способностью мыслить по обе стороны этой границы (то есть иметь возможность мыслить невысказанное). Такая граница поэтому может быть проведена только в языке, а то, что лежит за ней, оказывается просто бессмыслицей» [4, с. 3].

Г.-И. Глок вообще считает, что Л. Витгенштейн своим «Трактатом» совершил лингвистический поворот кантовского проекта. «Трактат» определяет границы языка не в категориях возможного проекта реального мира, а в категориях должного. Язык – не вторичное проявление внеязыкового мира, а сама реальность, которая проецирует себя на иной мир и определяет его [6, с. 57–58]. Тому подтверждение – суждение самого Л. Витгенштейна: «Предложение конструирует мир с помощью логического каркаса, и поэтому в предложении, если оно истинно, действительно можно усмотреть все логические черты реальности» [4, 4.023]¹¹.

Добавим, что сам Л. Витгенштейн все же понимал свой поворот как смену метода, как предложение правильного метода: «Правильный метод философии, собственно, состоял бы в следующем: ничего не говорить, кроме того, что может быть сказано» [4, 6.53].

Полагаю, Л. Витгенштейн не давал готовых ответов и на то, что он сделал, поскольку это невозможно было описать в духе привычных определений. Сейчас это должно быть уже ясно, достаточно внимательно вникнуть в его наследие. Тем более сам Витгенштейн сказал в своих черновых заметках (изданных как «Философские исследования»), что его первая книга («Трактат») «содержит серьезные ошиб-

¹¹ Впрочем, в других афоризмах модус реальности изменен – речь идет все же о языковых логических моделях: «Мы создаем для себя картины фактов. Картина представляет собой определенную ситуацию в логическом пространстве, представляет существование и не-существование событий. Картина – модель действительности... Мысль – логическая картина факта» [4, 2.1–2.12; 3].

ки». В.В. Биbihин считает, что шаг Витгенштейна можно понять как «смену аспекта» (*Aspektwandel*). Как перемену взгляда, поворот умозрения, способ мысли, и не только мысли. Весь свой курс лекций о Витгенштейне В.В. Биbihин так и назвал – «Смена аспекта» [2].

Основатель Венского кружка М. Шлик, вместе с другими членами кружка добросовестно конспектировавший «Трактат», афоризм за афоризмом, фактически повторяет Витгенштейна и формулирует смысл произошедшего поворота: «Поворот, происходящий сегодня, характеризуется тем, что мы видим в философии не систему познаний, но систему *действий*; философия – такая деятельность, которая позволяет обнаруживать или определять значение предложений... Философская деятельность по наделению смыслом есть, таким образом, альфа и омега всего научного знания. ...Окончательное наделение смыслом ... всегда происходит с помощью *деяний*. Именно деяния или действия составляют философскую деятельность» [28, с. 31]¹².

М. Шлик добавляет, что проблема не в том, что метафизика не может решить свои задачи, а в том, что этих задач не существует: «метафизика гибнет не потому, что человеческий разум не в состоянии разрешить ее задач (как, к примеру, думал Кант), но потому, что таких задач не существует» [28, с. 32]¹³.

¹² Мы пока здесь говорим об историческом казусе, о позитивистском восприятии идей Л. Витгенштейна деятелями Венского кружка и многими другими представителями аналитической философии того времени. Долгий период его воспринимали как автора, продвигающего идеи логического анализа и логического позитивизма. Многими он воспринимался как мыслитель, занимавшийся методологией науки, логикой познания, логическим анализом. Хотя это, разумеется, не так. Л. Витгенштейн – мыслитель экзистенциального толка, а его «Трактат» – фактически эзотерический текст, который нельзя читать так, как привыкли читать научные тексты его современники и последователи [12, с. XIII–XIV]. Но наш предмет – феномен поворотов в истории философии. Поэтому мы не обсуждаем правильность или ложность положений толкователей Витгенштейна. Исторически Витгенштейн, точнее, его идеи (которые он сам отпустил в свободное плавание) работали именно в пользу аналитической философии в духе смены повестки, смены предмета философии.

¹³ Оставим на совести М. Шлика и Б. Страуда их выводы о метафизике и вообще о философии. Нас интересует не то, правы они или нет. Нас интересует

В отличие от Л. Витгенштейна, Б. Рассел (воспринявший идеи его «Трактата», мягко говоря, по-своему) вообще-то не отказывался от проблемы истины и даже от метафизики, только он искал иные средства, необходимые для истинного описания, для построения истинной метафизической картины мира. Он радел за истину, просто традиционная метафизика, по его логике, неправильно говорит, у философов плохая грамматика, нужны новые грамматики, построенные на математической логике. С этим и связан поворот к логическому анализу, помогающему достичь истинного понимания.

В широком смысле аналитическая философия вся ушла в философию языка. Ее представители меняли повестку, искали новые инструменты анализа, но всегда оставались в натуралистической парадигме, в рамках естественно-научной картины мира. Просто они ее отодвинули в сторону и занялись анализом собственного говорения о мире, истинность которого не подвергали сомнению. Они не отвергали мир природы, общества. Просто допустили, что это не их предмет.

В большинстве своем аналитики оставались также на позициях старого эссенциализма, допуская, что есть некие объективные сущности. Только вот чтобы их вскрыть, надо подобрать логический инструмент. Рассел восставал против Канта и Гегеля не потому, что не был эссенциалистом. Он восстал против их методологии и против их средств работы, оставаясь в плену эссенциализма. Это примерно так, как бывает, когда мы хотим пробраться в чужую квартиру. Квартира есть, только надо подобрать отмычки к ее замку. У старых философов были не те ключи. А квартира как была реально существующей и неизменной, так и остается.

Б. Страуд замечает: «Вопрос заключается в том, как наилучшим образом объяснить способ работы языка и то, как мы его понимаем»

то, как они понимали смысл и существо поворота, произошедшего в 20-е годы прошлого века. Они понимали поворот как обращение к научности, трактуемой как построение эмпирической науки с помощью логических средств, отказ от априорного знания, отказ от метафизических идей как псевдопроблем, поскольку их невозможно ни доказать, ни опровергнуть. И дело не том, что далее сама аналитическая философия преодолела ограниченность воззрений Венского кружка. Просто мы видим пример того, как его представители понимали существо поворота в истории философии.

[26, с. 174]. И здесь возможны даже метафизические суждения, но важно выработать инструменты логического анализа, чтобы понять структуры этих высказываний, дабы уловить то, что они значат, и построить их так, чтобы они были непротиворечивы.

Все сказанное выше было показом примеров того, как понимается тот или иной поворот разными авторами, философами, исследователями. Мы не стремились оправдать эти высказывания или опровергнуть. Мы не обсуждали подробно собственно содержание этих поворотов. Мы рассмотрели разные видения того, как разные авторы понимали смысл и существо поворота в истории философии и науки.

В то же время еще раз отметим, что в течение всего XX в., особенно к его концу, количество поворотов нарастало. В.В. Савчук замечает, что «нас поджидают сплошные повороты (и это на данный момент неустранимо), поскольку каждое направление актуальной философии, каждая ее дисциплинарная институция, каждая школа, используя термин “поворот”, претендует на сверхважность предмета своего исследования. Изобилие поворотов – затянувшаяся серия мыслительных фуэте философской мысли – указывает на обреченность запоздалых попыток философии патронировать природу, общество, сознание и культуру» [22, с. 148].

Претензии и амбиции каждой научной школы, каждой институции, каждого нового поколения на поворотность, а стало быть, на некую властность, стремление обладать той или иной сферой или целым миром, человеком, языком, Богом и т.д. суть следствия долгой традиции, идущей от Ф. Бэкона, представившего науку и знание как институт силы и власти.

Возможно ли радикально иное представление о том, что такое поворот в истории философии? Представление, объясняющее поворот не как амбицию обладания, а как обращение назад, к своему истоку? Попробуем посмотреть на природу поворота с другой точки зрения. Этому будет посвящена вторая часть статьи.

Литература

1. Бахманн-Медик Д. Культурные повороты: Новые ориентиры в науках о культуре. М.: Новое литературное обозрение, 2017.
2. Биbihин В.В. Витгенштейн: смена аспекта. М.: Институт теологии, философии и истории св. Фомы, 2005. 576 с.

3. *Венедиктова Т.* Прагматический поворот – со скрипом // Новое литературное обозрение. 2022. № 178. С. 189–200.
4. *Витгенштейн Л.* Философские работы / Сост., вступ. ст., прим. М.С. Козловой; пер. с нем. М.С. Козловой и Ю.А. Асеева. М.: Гнозис, 1994. Ч. I. 612 с.
5. *Вольф М.Н.* Кант и исторический поворот. В печати.
6. *Глок Г.-И.* Аналитическая философия: как она есть. М.: Канон+, 2022. 400 с.
7. *Говорунов А.В.* Философская антропология – возвращение проекта // Международный журнал исследований культуры. 2014. № 2 (15). С. 12–20.
8. *Голубович И.В.* П.М. Бицилли о феномене автобиографии и «биографический поворот» в современной гуманитаристике // Автобиография и биография, письмо и чтение: Сб. докл. / Ред.-сост. Ю.П. Зарецкий, В.П. Лихачев, А.Ю. Зарецкая. М.: ИД ВШЭ, 2013. С. 62–80.
9. *Гумбрехт Х.У.* Как антропологический поворот может затронуть гуманитарные науки? // Новое литературное обозрение. 2012. № 114. С. 18–24.
10. *Джохадзе И.* Неопрагматизм Ричарда Рорти. М.: УРСС, 2001. 252 с.
11. *Кант И.* Сочинения: В 6 т. М.: Мысль, 1964. Т. 3: Критика чистого разума. 798 с.
12. *Козлова М.С.* Философские искания Л. Витгенштейна // Витгенштейн Л. Философские работы / Сост., вступ. ст., прим. М.С. Козловой; пер. с нем. М.С. Козловой и Ю.А. Асеева. М.: Гнозис, 1994. Ч. I. С. VII–XXI.
13. *Косарев А.В.* Риторический поворот: концепция риторического исследования в науке // Философия науки. 2016. № 4 (71). С. 13–25.
14. *Лотман Ю.М.* Внутри мыслящих миров: Человек – текст – семиосфера – история. М.: Языки русской культуры, 1996. 464 с.
15. *Марков Б.В.* Антропологический поворот в философии XX века // Очерки социальной антропологии / Под ред. В.В. Шаронова. СПб.: ТОО ТК «Петрополис», 1995.
16. *Огурцов А.П.* Философия науки: двадцатый век: Концепции и проблемы: В 3 ч. Ч. 3: Философия науки и историография. СПб.: ИД «Миръ», 2011. 336 с.
17. *Платт К.М.Ф.* Зачем изучать антропологию? Взгляд гуманитария: вместо манифеста // Новое литературное обозрение. 2010. № 6 (106). С. 13–26.
18. *Поселягин Н.* Антропологический поворот в российских гуманитарных науках // Новое литературное обозрение. 2012. № 113. С. 27–36.
19. *Прохорова И.Д.* Новая антропология культуры: Вступление на правах манифеста // Новое литературное обозрение. 2009. № 100. С. 9–16.
20. *Ростова Н.Н.* Антропологический поворот в философии: антропология vs онтология // Вестник Томского государственного университета. 2020. № 456. С. 93–98.
21. *Рорти Р.* Релятивизм: найденное и сделанное // Философский прагматизм Ричарда Рорти и российский контекст. М.: Фонд «Традиция», 1997. С. 11–44.
22. *Савчук В.В.* Метафора поворота в философии // Философские науки. 2010. № 10. С. 135–150.
23. *Смирнов С.А.* Антропологический поворот: его смысл и уроки // Философия и культура. 2017. № 2. С. 23–35.

24. Смирнов С.А. Антропология как строгая наука? К вопросу о методологическом обосновании философской антропологии. Статья 1: Э. Гуссерль. Феноменология как обоснование антропологии // Философская антропология 2019. Т. 5, № 2. С. 24–48.
25. Смирнов С.А. Онтологическая установка (к вопросу о смысле понятия) // Философия науки. 2020. № 2 (85). С. 3–20.
26. Страуд Б. Аналитическая философия и метафизика // Аналитическая философия: Избранные тексты. М.: Изд-во МГУ, 1993. С. 159–174.
27. Хайдеггер М. Исследовательская работа Вильгельма Дильтея и борьба за историческое мировоззрение в наши дни. Десять докладов, прочитанных в Касселе (1925) // Вопросы философии. 1995. № 11. С. 119–145.
28. Шлик М. Поворот в философии // Аналитическая философия: Избранные тексты. М.: Изд-во МГУ, 1993. С. 28–33.
29. Щедровицкий Г.П. Методология и наука // Щедровицкий Г.П. Философия. Наука. Методология. М.: Школа культурной политики, 1997. С. 294–363.
30. *Advances in Biographical Methods: Creative Applications* / Ed. by M. O'Neill, B. Roberts, A. Sparkes. London: Routledge, 2014.
31. *Bernstein R.J. Praxis and Action: Contemporary Philosophies of Human Activity*. Philadelphia: University of Pennsylvania Press, 1999.
32. *Bernstein R.J. The Pragmatic Turn*. Cambridge: Polity Press, 2010.
33. *The Anthropological Turn in Literary Studies* / Ed. by J. Schlaeger; REAL: Yearbook of Research in English and American Literature. Vol. 12. Tübingen, 1996.
34. *The Linguistic Turn: Recent Essays in Philosophical Method* / Ed. and with introduction by R. Rorty. Chicago: University of Chicago Press, 1967.
35. *The Pragmatic Turn in Philosophy: Contemporary Engagements between Analytic and Continental Thought* / Ed. by W. Egginton and M. Sandbothe. Albany: State University of New York Press, 2004.
36. *The Rhetorical Turn: Invention and Persuasion in the Conduct of Inquiry* / Ed. by H.W. Simons. University of Chicago Press, 1990.

References

1. *Bachmann-Medick, D. (2017). Kulturnye povoroty: Novye orientiry v naukakh o kulture* [Culture Turns: New Orientations in the Humanities and Social Sciences]. Moscow, Novoe Literaturnoe Obozrenie Publ. (In Russ.).
2. *Bibikhin, V.V. (2005). Vitgenshteyn: smena aspekta* [Wittgenstein: Change of Aspect]. Moscow, St. Thomas Institute of Theology, Philosophy and History Publ., 576.
3. *Venediktova, T. (2022). Pragmaticheskiy povorot – so skripom* [The pragmatic turn, with a creak]. *Novoe literaturnoe obozrenie* [New Literary Review], 178, 189–200.
4. *Wittgenstein, L. (1994). Filosofskie raboty* [Philosophical Works], Part I. Transl. from German by M.S. Kozlova and Ju.A. Aseev. Moscow, Gnozis Publ., 612. (In Russ.).
5. *Volf, M.N. Kant i istoricheskiy povorot* [Kant and the Historical Turn]. Forthcoming.

6. *Glock, H.-J.* (2022). *Analiticheskaya filosofiya: kak ona est* [Analytic Philosophy: A Critical Introduction]. Moscow, Kanon+ Publ., 400. (In Russ.).
7. *Govorunov, A.V.* (2014). *Filosofskaya antropologiya – vozvrashchenie proekta* [Philosophical anthropology – a project revised]. *Mezhdunarodnyy zhurnal issledovaniy kulture* [International Journal of Cultural Studies], 2 (15), 12–20.
8. *Golubovich, I.V.* (2013). P.M. Bitsilli o fenomene avtobiografii i “biograficheskiy povorot” v sovremennoy gumanitaristike [P.M. Bitsilli on the phenomenon of autobiography and the “biographical turn” in modern humanities]. In: Yu.P. Zaretsky, V.P. Likhachev & A.Yu. Zaretskaya (Eds.). *Avtobiografiya i biografiya, pismo i chtenie: Sbornik dokladov* [Autobiography and Biography, Writing and Reading: Collection of reports]. Moscow, HSE Publ., 62–80.
9. *Gumbrecht, H.U.* (2012). *Kak antropologicheskiy povorot mozhet zatronut gumanitarnye nauki?* [“Anthropological turn” might take the humanities and arts]. *Novoe literaturnoe obozrenie* [New Literary Review], 114, 18–24. (In Russ.).
10. *Dzhokhadze, I.* (2001). *Neopragmatizm Richarda Rorti* [Neo-pragmatism of Richard Rorty]. Moscow: URSS Publ., 252.
11. *Kant, I.* (1964). *Sochineniya: V 6 t.* [Works: In 6 vols.]. T. 3: *Kritika chistogo razuma* [Vol. 3: Critique of Pure Reason]. Moscow: Mysl Publ., 798. (In Russ.).
12. *Kozlova, M.S.* (1994). *Filosofskie iskaniya L. Vitgenshteyna* [Philosophical searches of L. Wittgenstein]. In: L. Wittgenstein. *Filosofskie raboty* [Philosophical Works], Part I. Transl. form German by M.S. Kozlova and Ju.A. Aseev. Moscow, Gnozis Publ., VII–XXI.
13. *Kosarev, A.V.* (2016). *Ritoricheskiy povorot: kontseptsiya ritoricheskogo issledovaniya v nauke* [The rhetorical turn: rhetoric of inquiry concept]. *Filosofiya nauki* [Philosophy of Science], 4 (71), 13–25.
14. *Lotman, Yu.M.* (1996). *Vnutri myslyashchikh mirov: Chelovek – tekst – semi-osfera – istoriya* [Inside Thinking Worlds: Man – Text – Semiosphere – History]. Moscow, Yazyki Russkoy Kultury Publ., 464.
15. *Markov, B.V.* (1995). *Antropologicheskiy povorot v filosofii XX veka* [Anthropological turn in the philosophy of the twentieth century]. In: V.V. Sharonov (Ed.). *Ocherki sotsialnoy antropologii* [Essays on Social Anthropology]. St. Petersburg, Petropolis Publ.
16. *Ogurtzov, A.P.* (2011). *Filosofiya nauki: dvadtsatyy vek: Kontseptsii i problemy: V 3 ch.* [Philosophy of Science: Twentieth Century: Concepts and Problems: In 3 parts.]. Ch. 3: *Filosofiya nauki i istoriografiya* [Part 3: Philosophy of Science and Historiography]. St. Petersburg, Mir Publ., 336.
17. *Platt, K.M.F.* (2010). *Zachem izuchat antropologiyu? Vzglyad gumanitariya: vmesto manifesta* [Why study anthropology? The view of the humanities: instead of a manifesto]. *Novoe literaturnoe obozrenie* [New Literary Review], 6 (106), 13–26. (In Russ.).
18. *Poselyagin, N.* (2012). *Antropologicheskiy povorot v rossiyskikh gumanitarnykh naukakh* [Anthropological turn in the Russian humanities]. *Novoe literaturnoe obozrenie* [New Literary Review], 113, 27–36.

19. *Prokhorova, I.D.* (2009). Novaya antropologiya kultury: Vstuplenie na pravakh manifesta [A new anthropology of culture: Introduction in the form of a manifesto]. *Novoe literturnoe obozrenie* [New Literary Review], 100, 9–16.
20. *Rostova, N.N.* (2020). Antropologicheskiy povorot v filosofii: antropologiya vs ontologiya [An anthropological turn in philosophy: anthropology vs ontology]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta* [Tomsk State University Journal], 456, 93–98.
21. *Rorti, R.* (1997). Relyativizm: naydennoe i sdelannoe [Relativism: finding and making]. In: *Filosofskiy pragmatizm Richarda Rorti i rossiyskiy kontekst* [Richard Rorty's Philosophical Pragmatism and the Russian Context]. Moscow, Foundation "Traditsiya" Publ., 11–44. (In Russ.).
22. *Savchuk, V.V.* (2010). Metafora povorota v filosofii [Metaphor of turn in philosophy]. *Filosofskie nauki* [Russian Journal of Philosophical Sciences], 10, 135–150.
23. *Smirnov, S.A.* (2017). Antropologicheskiy povorot: ego smysl i uroki [Anthropological turn: its meaning and lessons]. *Filosofiya i kultura* [Philosophy and Culture], 2, 23–35.
24. *Smirnov, S.A.* (2019). Antropologiya kak strogaya nauka? K voprosu o metodologicheskom obosnovanii filosofskoy antropologii. Statya 1: E. Gusserl. Fenomenologiya kak obosnovanie antropologii [Anthropology as a strict science? To the question of the methodological substantiation of philosophical anthropology. Article 1: E. Husserl. Phenomenology as substantiation for anthropology]. *Filosofskaya antropologiya* [Philosophical Anthropology], Vol. 5, No. 2, 24–48.
25. *Smirnov, S.A.* (2020). Ontologicheskaya ustanovka (k voprosu o smysle ponyatiya) [Ontological proposition (on the question of the meaning of the concept)]. *Filosofiya nauki* [Philosophy of Science], 2 (85), 3–20.
26. *Straud, B.* (1993). Analiticheskaya filosofiya i metafizika [Analytical philosophy and metaphysics]. In: *Analiticheskaya filosofiya: Izbrannye teksty* [Analytical Philosophy: Selected Texts]. Moscow, Moscow State University Publ., 159–174. (In Russ.).
27. *Heidegger, M.* (1995). Issledovatel'skaya rabota Vilgelma Dilteya i borba za istoricheskoe mirovozzrenie v nashi dni. Desyat dokladov, pročitannykh v Kassele (1925) [Wilhelm Dilthey's Research and the Current Struggle for Historical Worldview. Ten Kassel Lectures (1925)]. *Voprosy filosofii* [Problems of Philosophy], 11, 119–145. (In Russ.).
28. *Schlick, M.* (1993). Povorot v filosofii [The turning point in philosophy]. In: *Analiticheskaya filosofiya: Izbrannye teksty* [Analytical Philosophy: Selected Texts]. Moscow, Moscow State University Publ., 28–33. (In Russ.).
29. *Shchedrovitsky, G.P.* (1997). Metodologiya i nauka [Methodology and science]. In: *G.P. Shchedrovitsky. Filosofiya. Nauka. Metodologiya* [Philosophy. Science. Methodology]. Moscow: Shkola Kulturnoy Politiki Publ., 294–363.
30. *O'Neill, M., B. Roberts & A. Sparkes* (Eds.). (2014). *Advances in Biographical Methods: Creative Applications*. London, Routledge.
31. *Bernstein, R.J.* (1999). *Praxis and Action: Contemporary Philosophies of Human Activity*. University of Pennsylvania Press.
32. *Bernstein, R.J.* (2010). *The Pragmatic Turn*. Cambridge, Polity Press.

33. *Schlaeger, J.* (Ed.). (1996). *The Anthropological Turn in Literary Studies*. REAL: Yearbook of Research in English and American Literature, Vol. 12. Tübingen.

34. *Rorty R.* (Ed.). (1967). *The Linguistic Turn: Recent Essays in Philosophical Method*. University of Chicago Press.

35. *Egginton, W. & M. Sandbothe* (Eds.). (2004). *The Pragmatic Turn in Philosophy: Contemporary Engagements between Analytic and Continental Thought*. Albany, State University of New York Press.

36. *Simons, H.W.* (Ed.). (1990). *The Rhetorical Turn: Invention and Persuasion in the Conduct of Inquiry*. University of Chicago Press.

Информация об авторе

Смирнов Сергей Алевтинович – Институт философии и права СО РАН (630090, Новосибирск, ул. Николаева, 8).

smirnoff1955@yandex.ru

Information about the author

Smirnov, Sergey Alevtinovich – Institute of Philosophy and Law, Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences (8, Nikolaev St., Novosibirsk, 630090, Russia).

smirnoff1955@yandex.ru

Дата поступления 07.05.2025.
Принята к публикации 23.05.2025.